

ВОЗВРАЩАЯСЯ
К НАПЕЧАТАННОМУ

О ТРАВМАХ НАДУМАННЫХ И ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ

— Ах, какую травму вы нанесли Анатолию Эфросу! Аркадий Михайлович Песелев проносит эти слова с тем драматическим оттенком в голосе, который если и не вызовет сострадания, то не может оставить равнодушным. Он смотрит пристально — не поразил ли уже этой одной фразой — и на какое-то мгновение умиляется. Будто раздумывает: продолжать ли разговор в плане, так сказать, эмоциональном или перейти на более скупный, деловой лад. Во всяком случае в последующем разговоре присутствовало и то и другое: смирно по обстоятельствам. Аркадий Михайлович прочувствованно говорил о достоинствах режиссера А. Эфроса, о его непростанных поисках. Между прочим, в его длинном монологе не было другого имени, кроме одного — А. Эфроса. Эфрос затмил все и всех. Наконец А. М. Песелев заключил:

— Обиделись мы на газету. Неправедливо она выступила.

Это уже говорил не артист театра, а секретарь партийной организации. За что же обиделись А. М. Песелев газету «Советская Россия»?

Вернемся к недавнему прошлому. 13 февраля в «Совет-

ской России» была опубликована статья кандидата физико-математических наук В. Труханова «Плюс на минус, или о постановке «Трех сестер» на Малой Бронной». Автор выразил свой протест против невозможности осуждения смысла и сути пьесы русского классика А. П. Чехова постановщиком А. Эфросом. В. Труханов не признавал остановиться в творческих поисках раскрытия характеров героев Чехова на этакое, скажем, МХАТ. Напротив, он за новаторство в искусстве, за творческие поиски, но которые обязательно предполагали бы «...добросовестность по отношению к автору и доброжелательность к героям». Он выступал «против тех, кто считает, что филарство и эквилибристика — приемы, которые дают право выдавать себя за новаторов». Автор не прибегал и ставшим уже традиционным «с одной стороны, с другой стороны», а говорил прямо: филарство с произведений классиков несовместимо.

Вот на что обиделись руководители партийной организации театра А. М. Песелев. Или как он выразился: «Мы обиделись», не расприкрыливая, кто — мы. Обиделись за откровенность, за прямо-

ту. Понятно, критика не доставляет такого эстетического наслаждения, как аплодисменты зрителей. Но кому-то, а уж секретарю партийной организации надо бы знать, что без критики нет развития, как и не может быть подлинного по большому счету новаторства в искусстве. Там же, где создается атмосфера «похлопывания по плечу», рукопожатий по поводу и без повода, там под шумным аншлагом новаторства делаются попытки приять искусству болезни, называя их оканчиваются всякого рода «измами» и от которых оно давным-давно излечилось.

А. М. Песелев глубоко расстроен, что газета «травму» нанесла А. Эфросу». Но почему ни у него, ни у директора театра М. П. Зайцева не вызвало такой же душевной тревоги другое принципиальное соображение: а какую травму наносит А. Эфрос чувствам зрителей, отнимая у умных, тонких, думающих чеховских героев мечту и веру в лучшее будущее? Так что же прикажете: курить филарством постановщику, который без стеснения подвергает эквилибрику Чехова, или огрading классическое наследие без стеснения эквилибристикой?

Однако, как бы ни был обижен секретарь, даже в том случае, если, по его словам, он — ученик А. Эфроса, он должен был поставить статью на обсуждение коммунистов. Тем более, что к этому времени в ряде газет уже появились выступления критиков, категорически несогласных с транковкой чеховских «Трех сестер». И тем более, что коммунисты не могут и не имеют права оставаться безучастными к творческой жизни театра и к идейной цельности репертуара. А. М. Песелев пошел по другому пути. Именно «пошел». Сначала — во Фрунзенский РК КПСС. Там пожаловался: «Обижают». По его словам, первый секретарь РК КПСС С. С. Грузинцов посочувствовал и вроде бы сказал: «Да, конечно, пережелезывают». Потом — в управление культуры Моссовета. Начальник управления Б. В. Родионов для порядка поинтересовался, что же, но разговор закончил тоже сочувствием.

Пока секретарь партийной организации обходил различные кабинеты, в театре брали под руки зрителей с солидными именами и упрямцами: «Нашините отзывы». Потом пошли в Институт химической физики АН СССР,

где работает автор критической статьи В. Труханов: посмотрите «Трех сестер», организуйте диспут. И диспут действительно состоялся, не получилось лишь опровержения. Были выступления в защиту «новаторства» А. Эфроса, но они, в независимости от их количества, побледили под аргументированными доводами в защиту А. П. Чехова. Диспуты, понятно, есть диспуты. Странно только, что партийный комитет института счел, видимо, разговор этот не заслуживающим внимания и диспут прошел без его активного участия. Между тем разговор об искусстве не может не касаться партийности искусства и потому не может быть безразличен для партийной организации.

Таким образом, партийная принципиальность в театре была подменена энергичными поисками адвокатов с именами и без оных. Но коммунисты-то театра как оценивают творческую ценность и идейную сущность спектакля? Неужели для них безразлично общественное мнение, которое складывается вокруг «Трех сестер»? А по существу, вокруг неповторимых позиций, занятых руководством театра, выступившего непосредственно после этих вы-

ступлений — низкопробный спектакль «Обыкновенный Колоскини»? Навольно направляется вопрос:

— Как же так? И секретарь партийной организации, уже без драматического оттенка в голосе, говорит:

— А с кем обсуждать? Коммунисты-актеры ничем не выделяются... Обсуждающий персонал мало что может сказать об искусстве. Да и вообще творчество — это не дело партийной организации.

И от этого неожиданного определения качества коммунистов вдруг повеяло каким-то снобизмом. Выходит, в театре есть он — секретарь партийной организации, директор да еще два-три человека, способные высказать об искусстве... Для остальных оно — запретная зона. И вспомнились слова, сказанные А. М. Песелевым ранее: «Ну, что понимает физик в театре?». Это об авторе статьи (кстати, диспуты решались устроить почему-то у физиков). И все стало на свои места: постановки театра на Малой Бронной предназначены для избранной публики, а не вообще для всяких там физиков, токарей или слесарей. А Эфрос понятен только тонким ценителям искусства.

«Творчество — не дело партийной организации» — под этим предлогом секретарь старается увести коммунистов от обсуждения проблем, которыми должен жить театр.

В связи с таким откровенным игнорированием выступления печати по принципиальным вопросам искусства со стороны секретаря партийной организации А. М. Песелева и директора театра М. П. Зайцева возникает какое-то недоумение: а каковы позиции управления культуры Мосгорисполкома и Фрунзенского РК КПСС? Почему они остаются безучастными к творческой жизни театра? Почему, наконец, руководители управления и райкома отворачиваются от острых выступлений печати?

Редакция сочла необходимым вновь вернуться к своему выступлению. Она считает это тем более необходимым, что некоторые партийные организации творческих коллективов проявляют неоправданное равнодушие к вопросам художественного и идейного содержания произведений искусства, то есть к тем проблемам, которые были и остаются делом глубоко партийными.

В. СЕЛИВАНОВ.